

—

Когда Цинь Сяомань вернулся домой, он нес не только свиную ногу, но и целую свиную печень.

Он пытался отдать деньги второму дяде, и Цинь Сюн, как и ожидалось, брать их не хотел – мол, негоже брать плату за еду для восстановления сил зятя. Но его жена, вторая тетка, тут же заворчала, язвительно обвиняя Сяоманя в том, что тот вечно норовит поживиться за их счет.

Сяомань и так собирался платить, поэтому просто всучил деньги тетке. Второму дяде стало неловко, и он вдобавок навязал племяннику свиную печень, велел потушить ее с красным амарантом для Ду Хэна – сказал, что это полезно для крови.

Свиные потроха – еда, которой пренебрегают богачи. Если их неправильно приготовить, они имеют неприятный рыбный запах; их едят только те бедняки, кому совсем не на что купить мясо, так что они не стоят больших денег.

Сяомань притащил всё это домой. Вечером они собирались съесть свиную ногу, а печень долго хранить нельзя, поэтому он просто натер ее солью и повесил над очагом коптиться – так она на вкус куда лучше, чем тушеная.

— Я еще раз сходил в долину, позвал семьи, которым нужны дрова, — рассказывал Сяомань Ду Хэну. — Сказал, что за помощь дам по охапке, и, к моему удивлению, несколько семей сразу вызвались. У них земли почти нет, зимой дел мало, так что они охотно помогают. Завтра придет пятеро, так что мы за день все дрова с нашей горы соберем!

— Это хорошая новость.

Сяомань добавил:

— Лекарь Цуй сказал, что в первый месяц тебе совсем нельзя двигаться. Завтра управлюсь с делами и буду сидеть дома, приглядывать за тобой.

— Не нуж...

Не успел Ду Хэн договорить, как Сяомань резко выпалил:

— Что значит «не нужно»? Ты же пошевелиться не можешь, как ты без помощи обойдешься? Если в этот первый месяц за тобой хорошо ухаживать, потом меньше мороки будет.

Ду Хэн дотронулся до кончика носа, и ему в голову пришла неуместная мысль: почему он чувствует себя так, будто находится в послеродовом периоде?

Вечером под руководством Ду Хэна Сяомань приготовил кастрюлю ароматной свинины, тушенной с зимними побегами бамбука. Свежая свиная нога в сочетании с хрустящим и нежным бамбуком, который бывает только зимой... бульон получился прозрачным и наваристым – вкус просто божественный. Обычные семьи даже на Новый год не всегда едят такое роскошное блюдо; даже для зажиточного городского дома такая еда была бы не зазорной.

Сяомань выпил три пиалы бульона. Туша мясо, он специально добавил побольше воды, чтобы было побольше супа – завтра на нем можно будет сварить лапшу.

Он подумал, что у Ду Хэна и впрямь талант: под его руководством даже такой неумеха, как Сяомань, умеющий только варить овощи в пресной воде, смог приготовить блюдо, аромат которого не уступал лучшим городским харчевням. На душе у него было очень сладко.

Он без конца подкладывал Ду Хэну лучшие куски, пока в чашке того не выросла целая гора. Ду Хэн пытался отказаться, но тщетно; Сяомань уgomонился только тогда, когда Ду Хэн буквально прижал чашку к груди. Сяомань просто хотел, чтобы Ду Хэн ел самое лучшее. Сам-то он лакомился мясом только благодаря больному, за которым нужно было ухаживать, так что в первую очередь старался для него.

Только в такой маленькой семье, как их, мясо можно было делить так щедро. В больших семьях, где много ртов, хорошо если каждому достанется по два кусочка.

Так прошел первый день лечения: Ду Хэн поел на славу.

На следующее утро, когда они еще завтракали на кухне, односельчане, собиравшиеся на гору, уже пришли и ждали у калитки. Всего пришло пять человек: три женщины и два фулана.

Еще не дойдя до ворот, они почувствовали аппетитный запах мяса, доносившийся из кухни семьи Цинь. Все невольно сглотнули слюну, но никто не решился спросить, что именно там готовят – лишь втайне завидовали достатку этой семьи.

— Садитесь пока, отдохните, я сейчас доем и выйду!

Все охотно согласились, сказав, чтобы Сяомань не торопился, и остались ждать во дворе. Сяомань не стал приглашать их за стол из вежливости – в деревне не принято завтракать в чужом доме, даже если там намечается какое-то дело. Гости приходят уже сытыми, чтобы не обременять хозяев.

С Ду Хэном все поздоровались вежливо. На него смотрели с любопытством, но не так беспардонно, как другие деревенские, и не отпускали сомнительных шуточек.

Люди попались тихие. Посидев немного в предзвездных сумерках, они принялись хвалить Сяоманя за трудолюбие, а его мужа – за красоту. А когда услышали от Сяоманя, что Ду Хэн умеет читать и писать, посыпались еще более лестные похвалы.

— Сразу видно – в нем живет дух ученого. Вот подлечит ногу, сдаст экзамены и точно станет отличным чиновником на благо народа.

Сидя в комнате, Ду Хэн слушал похвалы жителей деревни, и в конце концов похвалы перешли к тому как его прочтат в великие мужи, способные принести пользу уезду. Сяомань, привыкший к колкостям и язвительным замечаниям, даже не сразу нашелся, что ответить на такой поток любезностей.

Он покончил с едой, поставил Ду Хэну жаровню с углями, приготовил горячую воду и, уладив все домашние дела, повел людей на гору.

Вышли они рано, так что к моменту, когда они добрались до лесной тропы, только рассвело. Помощники оказались расторопными, и за большую часть дня весь валежник на холме Сяоманя был собран.

Сяомань был очень доволен. Дров оказалось даже больше, чем он ожидал, поэтому он щедро позволил каждому нагрузить свою корзину доверху или забрать с собой по огромной охапке.

Односельчане рассыпались в благодарностях.

После полудня охапки дров одна за другой начали прибывать во двор семьи Цинь.

— Мань гер, если еще понадобится такая помощь – зови нас, не стесняйся!

Закончив работу, сельчане подхватили свои доли и с улыбками попрощались с хозяином.

Сяомань, глядя на двор, заваленный дровами, довольно отозвался:

— Обязательно!

Вытерев руки, он зашел в дом к Ду Хэну, который всё так же сидел в главной комнате.

— Отличная была идея! Все дрова теперь дома. Как освобожусь, еще раз по горе пройду, почищу там всё – в следующем году деревья и бамбук обязательно прекрасно вырастут.

— Проголодался? Пойду приготовлю чего-нибудь.

Заметив, что Ду Хэн молчит, Сяомань подошел ближе:

— Ты чего?

Лицо Ду Хэна было бледным, он долго терпел, но в конце концов сдался:

— Я... воды много выпил.

— А? — Сяомань непонимающе моргнул, но тут же догадался: — О! О-о!

Он поспешно подхватил Ду Хэна под руку:

— Быстрее, быстрее, а то еще под себя напустишь!

— ...

Сяомань потащил его к нужнику. Ду Хэн терпел уже довольно долго и вид уборной воспринял как спасение, но, только оказавшись внутри, он понял, что гэр всё еще крепко держит его за руку.

— Сяомань...

— Да давай уже! — Сяомань посмотрел на него. Ду Хэн отвернулся с крайне смущенным видом.

— Ой, да ладно тебе! Односельчане ушли, мы дома одни, чего ты стыдишься?

Сказав это, Сяомань ногой захлопнул дверь нужника.

— Я не о двери... я о том, что тебе не обязательно...

— Эй! Эй! Не тяни за пояс, я сам справлюсь!

— Нет-нет-нет! Сяомань, не надо, я могу сам, правда могу!

— Повернись, пожалуйста... Если ты так будешь стоять, я правда не смогу...

После долгой возни Ду Хэн, красный как рак и совершенно опустошенный, вышел наружу,

опираясь на Сяоманя.

Глядя на вконец обессиленного мужчину, Сяомань рассмеялся:

— Чего ты такой стеснительный? В деревне полно бесстыдников, которые прямо на меже или в поле нужду справляют, и им хоть бы хны – еще и посмеются, если кто увидит.

Ду Хэн выдохнул:

— Я не привык к такому.

Сяомань искоса глянул на него:

— Когда ты был молодым господином, у тебя что – слуг не было?

— Были... но не до такой же степени, чтобы... так «обслуживать».

— Выходит, я обхожусь с тобой даже лучше, чем слуги.

Ду Хэн почувствовал себя совершенно беспомощным и невольно погладил Сяоманя по затылку. Сяомань, словно озорной щенок, которого хозяин погладил против шерсти, тут же примолк и перестал подшучивать. Он испугался, что если продолжит, то в следующий раз Ду Хэн просто побоится его звать.

— Кстати, удивительно, — сказал Сяомань. — Сегодня никто из сельчан не шипел и не говорил гадостей.

Ду Хэн спросил:

— Ты знаешь, почему в деревне так много судачат о твоей семье?

— Ну, считают меня грубым, вот и не уважают.

— А разве в деревне нет никого грубее тебя? Или с характером похуже? Второй дядя тоже суров, но о нем так не говорят. Почему?

Сяомань нахмурился. Он и сам не понимал. Он был не единственным, кто совершал в деревне что-то выходящее за рамки, но при жизни его отца никто не смел распускать язык.

— Почему?

— У второго дяди хороший достаток, к тому же он мясник – людям приходится от него зависеть, поэтому они помалкивают. С другими семьями так же: если от них есть какая-то польза для других, то и ссориться с ними по пустякам не станут. Скажу тебе прямо: «зависеть» – значит иметь возможность получить от тебя какую-то выгоду или «сладость». Пока учитель Цинь был жив, он был деревенским учителем. Жителям деревни нужно было, чтобы он читал и писал письма – это и была их «сладость». Поэтому, как бы они ни были недовольны тобой, они не смели открыто говорить гадости.

Ду Хэн продолжил:

— Теперь же ты в доме один, достаток у семьи Цинь неплохой, но соседи не могут получить от тебя ни крохи выгоды. Они не чувствуют твоей ценности, а только завидуют, что у тебя есть гора и поля. Вот и чешут языки, чтобы унять свою зависть – что бы ты ни сделал, они всегда

найдут к чему придраться.

Сердце Сяоманя дрогнуло. После смерти отца, чтобы его не жалели и не презирали, он всегда вел себя агрессивно и жестко, в одиночку таща на себе весь дом. Он один делал работу, на которую в других семьях требовалось трое. Вечно пропадая в полях, он и впрямь почти перестал общаться с соседями.

— То есть ты хочешь сказать, что сегодня я «дал им сладости», и раз им это выгодно, они перестали меня ругать?

Ду Хэн кивнул.

Сяомань задумался. Если и дальше так пойдет, будет здорово: и силы сбережет, и доброе имя вернет.

После обеда Сяомань не пошел на улицу, а принялся колоть дрова прямо во дворе. Стул Ду Хэна вынесли на воздух. Он не мог наклоняться, но и сидеть без дела не хотел, поэтому попросил Сяоманя принести немного риса и начал его обмолачивать прямо во дворе.

В то время технологии очистки зерна были примитивными: нужно было насыпать рис в каменную ступу и раз за разом бить по нему пестом, чтобы отделилась шелуха. Поскольку это требовало больших трудозатрат, неочищенный рис стоил гораздо дешевле чистого. Сейчас, когда Ду Хэн мог только сидеть, эта скучная и кропотливая работа подходила ему как нельзя лучше.

— Мань гер, дома? — раздался окрик.

Оба обернулись.

— Дядя Гэ? Вы чего это зашли?

— Слыхал я, вы сегодня много дров привезли. В общинном лесу дров почти не осталось, вот я и подумал - куплю-ка у тебя немного.

Сяомань поднялся от кучи дров:

— Хорошо, дядя Гэ, выбирайте сами.

Мужчина, не церемонясь, принялся выбирать поленья. Он коротко кивнул Ду Хэну в знак приветствия. Когда он проходил мимо, Ду Хэн уловил тонкий аромат растительного масла.

Он поманил Сяоманя рукой.

— Что такое?

— Этот дядя работает на маслобойне?

Сяомань ответил:

— Нет, у дяди Гэ своя маслобойня. У семьи Гэ есть маленькая лавка в уездном городе, они дают кунжутное масло и рапсовое на продажу.

Поскольку для дела им нужно было много дров, они не в первый раз приходили к Сяоманю за покупкой.

Глаза Ду Хэна блеснули:

— А можно у него купить немного масла?

Сяомань невольно вытаращил глаза. Мяса-то вдоволь не едят, а он о масле мечтает! Неужели молодой господин не знает, как дорого оно стоит? К тому же в доме есть свиное сало, покупать еще и растительное масло – непозволительное расточительство. Но, взглянув на Ду Хэна, который даже с перебинтованной ногой старался работать, Сяомань поджал губы.

Ладно, ладно. В конце концов, Ду Хэн ранен. Еда с солью и маслом поможет ему быстрее набраться сил и поправиться. Хоть Сяомань и не сразу согласился, в итоге он кивнул.

— Дядя Гэ, я бы хотел купить масла. Не хотите обменять дрова на масло?

Мужчина тут же согласился:

— Почему бы и нет!

Всё равно обоим пришлось бы платить деньги, а натуральный обмен был куда удобнее.

Так Сяомань обменял четыре охапки дров и еще несколько десятков вэней на кувшин растительного масла. Прижимая к себе кувшин ценой в сотню вэней, он чувствовал, как сердце обливается кровью – на эти деньги можно было купить три-четыре цзиня свинины.

— В своем доме в уезде Цюян ты всегда ел растительное масло?

Крестьяне масла почти не видели – если только по праздникам для дорогих гостей что-нибудь не поджарят. Сяомань слышал от второго дяди, что горожане любят масло, оттого они такие крепкие, а их девушки и геры выглядят свежими, а не изнуренными, как в деревне.

Сейчас животный жир стоил дороже растительного масла и считался уделом богачей. Растительное же масло выбирали люди среднего достатка. Сяомань решил, что семья Ду Хэна, занимавшаяся торговлей, привыкла к нему.

— Нет.

— Тогда зачем оно тебе? Хочешь овощи жарить?

Ду Хэн ответил:

— Хочу кое-какие закуски приготовить.

Раньше он собрал перец чили и хотел сделать соус на масле, но масла не было. Теперь же, когда оно появилось, нельзя было давать заготовленному перцу пропасть. Когда он был в городе, то видел, что там продается всё что угодно, но лучше всего расходятся продукты питания.

Ду Хэн знал тысячи рецептов, но в нынешних условиях – без капитала и нужных ингредиентов – нельзя было просто взять и приготовить что вздумается. Приходилось исходить из того, что было под рукой. Зимой продуктов мало, и единственное, что он мог достать – это овощи с их полей.

Соленья и соусы были лучшим выбором. Но соленья умел делать каждый, а перед Новым годом все хотели подзаработать, так что на рынках и у разносчиков этого добра было навалом. Чтобы

товар продавался, а не залежался, нужно было добавить в привычный рецепт какую-то изюминку.

Ду Хэн попросил Сяоманя отвести его на кухню. Сам он стоять не мог, поэтому решил руководить процессом со стороны.

—

<http://bllate.org/book/14888/1327104>